тилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня две родины. Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи – с востока и с запада».

И вот, имея в виду русских расчленителей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот – сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСТОЯНИИ

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н.Я. Данилевского («Россия и Европа», с. 50) эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, – то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, не-

нависти и презрению» (добавим только еще: и ее **властолюбивым намерениям).** Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но ведь у нас есть **союзники** в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского Правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заражены ненавистью... Да и за что же им нас ненавидеть?!»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы. Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас и для самоуспокоения внушают себе при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных нашептов, – что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости, что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией – и тогда расчленить, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-своему, навязав ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповеданиям и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они **не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада** – ни от «Пилсудского», ни от «Гитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться **только на Бога и на себя.** Русский народ **может освободиться только сам:** в медленной муке перетерпеть большевистское иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем – выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторический путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу – с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребуется тогда от русского человека.

Русский народ освободится и возродится **только самостоянием,** и каждый из нас (независимо от возраста и поколения) будет ему тем нужнее, чем больше ему удастся **соблюсти в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность».** Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Гитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И, зная это, предупреждаем их: пути их **антинациональны, духовно фальшивы и исторически безнадежны.** Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а **интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программою деньгодателя.** Им, может быть, и помогут – но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами, им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа.

Неужели нам надо вспоминать историю этих тридцати лет? Историю о том, как русские белые армии были покинуты французами на юге, англичанами на севере и чехословаками в Сибири; историю о том, как Пилсудский отнесся к Деникину и Врангелю; как барон Мальцан договорился с Советами в Рапалло; как Ллойд-Джордж поспешил начать торговлю с «людоедами», а германский рейхсканцлер Вирт инвестировал капиталы Ватикана в лесной концессии на русском севере; как в Москве Брокдорф-Ранцау по ночам развлекался с Чичериным музыкой и еще кое-чем; как патер (а потом прелат) Мишель д'Эрбиньи дважды (1926 и 1928) ездил в Москву для заключения «конкордата» с заведомым для него сатаною и, возвращаясь, печатал мерзости о русском народе и о Православной Церкви... Неужели все это и многое, многое другое забыто?

Было бы необычайно интересно прочитать **честнонаписанные** воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Гитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию, хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: **когда** же им удалось рассмотреть, что их нагло проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще!), ни война (вообще!) – не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага?»…

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали

эти обыватели на землю? откуда у них эти сентиментальные мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? откуда у них эта уверенность, что именно им удастся «уговорить» и повести за собой такой-то (все равно какой!) сплоченный иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не **он** их разыграет и использует как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами... И что вышло из всего этого?..

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти **на сепаратизм** и **расчленение** России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден... А потом? Потом – он умер, а Венгрия подпала сначала Гитлеру, а потом Сталину. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (?!). Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Гитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут же, на наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России, и сходили со сцены: одни, гласно объявив, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие, добровольно исчезая за железным занавесом, третьи, сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии второй мировой войны. И вот опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризируясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое – все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу, **никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылечился от своего презрения и властолюбия.** И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасается только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою **полную духовную независимость!**